

Литература:

1. Анархисты. Документы и материалы. 1883-1935 гг.: в 2 т. – Т. 1. 1883-1916 гг. – М. : РОССПЭН, 1998.
2. Анархисты. Документы и материалы. 1883-1935 гг. В 2 т. Т. 2. 1917-1935 гг. – М. : РОССПЭН, 1999.
3. Бакунин, М. А. Реакция в Германии / М.А. Бакунин // Собрание сочинений и писем. 1828–1876 гг.: в 4 т. –Т. 3: Период первого пребывания за границей. 1840–1849. – М., 1935.
4. Брагина, Н. Г. Мифологический Хаос (культурный след в языке) / Н.Г. Брагина // Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка. – М. : Индрик, 2003.
5. Рябов, П.В. Анархические письма / П.В. Рябов. – М. : Радикальная теория и практика, 2013.
6. Чеснов, Я.В. Тело в контекстах биовласти и биомифов / Я.В. Чеснов // Ориентиры... Вып. 5 / Отв. ред. Т. Б. Любимова. – М. : ИФ РАН, 2009. .
7. Элиаде, М. Священное и мирское / М. Элиаде. – М. : Изд-во МГУ, 1994.
8. Confino, M. Idéologie et sémantique : Le vocabulaire politique des anarchistes russes / M. Confino // Cahiers du monde russe et Soviétique. – P., 1989. – Vol. 30. – № 3/4.

О СТАТУСЕ СОКРАТОВСКОЙ ИРОНИИ

Т.В. Медведок, г. Минск, Беларусь

О жизни и творчестве древнегреческого мыслителя Сократа известно довольно много и в то же время чрезвычайно мало. Его образ оживает перед нами благодаря текстам Платона, Ксенофонта, Аристотеля, Диогена Лаэртского, однако сам Сократ, как известно, не оставил после себя никаких письменных сочинений, поскольку признавал исключительную ценность устной беседы, важность непосредственно диалога.

Уникальность взглядов мыслителя признана не единожды в философском мире – Сократ бесконечно притягивал и продолжает притягивать к себе внимание многих исследователей, поскольку задает собой особый стандарт (насколько, в принципе, вообще уместно вести речь о стандартах применительно к философии и тем, кто ею занимается) мыслителя. Трудно возразить А.Ф.Лосеву, утверждавшему, что «в нем (в см. – в Сократе) чувствуется что-то очень непростое, очень извилистое; в сущности, он и до сих пор остался непонятым, как непонятна его казнь, производящая такое впечатление, что не афиняне его казнили, а сам он заставил их себя казнить» [1, с. 57].

Сократ не являлся софистом и никогда не признавал себя таковым. Основание для непризнания подобного рода заключается в разнице

понимания природы человека и познания: если для софистов человек – индивидуальное существо, которое самолично устанавливает степень истины в отношении всей действительности, то для Сократа человек – это только и только родовое существо, что, в свою очередь, объясняет уверенность античного мудреца в отношении универсального и всеобщего характера истины.

Сократ не полагал себя учителем и категорично восставал против утверждения, что он кого-то чему-то учит. Научение как снабжение уже готовым, обнаруженным знанием, как осуществление передачи того, чем ты обладаешь, тому, кто этим пока еще не обладает, – такого рода научение для Сократа было совершенно невозможным и недопустимым.

Как возможно снабдить кого-то знанием, если каждый человек заключает, содержит его в самом себе?! Знание уже заложено в душе человека, и, по мнению древнегреческого мыслителя, человек на протяжении всей своей жизни выявляет его (познание как припоминание).

Сократ практиковал майевтику – искусство родовспоможения знанию. Мыслитель полагал себя способным только провоцировать душу собеседника к родовым потугам припоминания. Поскольку объективная истина а priori существует, заложена в душе, то, тем самым, Сократ, не пытаясь что-то навязать и не предлагая готовых убеждений, посредством иронии побуждал собеседника к самостоятельному размышлению.

Несмотря на то, что Сократ не единожды позволял себе пожертвовать формальным проявлением истины, его стремление к последней было настолько велико, что существенно отличает данного мыслителя от софистов, у которых понятие истины носило относительный характер.

Истина, по мнению Сократа, заключается в постоянном нравственном поиске, и каждый человек должен стремиться к самопознанию и, тем самым, к самосовершенствованию, поскольку сведущий, обладающий знанием человек совершает только благие поступки. «Самопознание в устах древнего философа означало прежде всего познание человеком своего внутреннего опыта, осознания того, что осмысленная жизнь, духовное здоровье, гармония внутренних сил и внешней деятельности, удовлетворение от нравственного поведения составляют высшее благо, высшую ценность. С этой ценностью не сравнимы никакие знания, какими бы полезными они ни были» [2, с.102].

Сократовская ирония выступает как требование творчества мысли – она пробуждает в человеке творца, не вызывающего к уже установленным общественным знаниям, а стремящегося к их самостоятельному обнаружению, выявляет стремление к истине через необходимость собственного самопознания. Ироническое философствование Сократа по своей сути оказывалось мастерски продуманной стратегией рассуждения,

в ходе реализации которой неоднократно утверждается то, что в процессе диалога демонстративно подверглось отрицанию. Таким непростым способом мыслитель проверял прочность убеждений собеседника.

Появление сократовской иронии в античном мире задавало иной мировоззренческий уровень мышления, поскольку ирония становится тем инструментом, с помощью которого была предпринята попытка замены объективной мифологической «иронии судьбы» «морализирующей субъективностью», если воспользоваться словами Г.В.Ф.Гегеля. Субъект исторически впервые отделяет себя от непосредственной зависимости греческого государства, критически осмысливает окружающую действительность, ставя под сомнение все существующее: субъект вырывается из пределов общего, противопоставляет себя ему. «Сократический смех (приглушенный до иронии) и сократическое снижение...приближают и фамилляризуют мир, чтобы безбоязненно и свободно его исследовать...», – утверждает М.М. Бахтин [3, с.468].

Однако мнение датского философа С. Киркегора на этот счет прямо противоположно. Ирония античного мыслителя, уверен С.Киркегор, не предусматривает истину даже в субъекте, поскольку ее функция заключается исключительно в отрицании: Сократ ставит под сомнение не только объективную действительность, но он иронизирует и по поводу других. Более того, он насмехается и над самим собой: после полного и ошеломительного разгрома своего собеседника Сократ заявляет, что «...не найдя ответа на то, что мы рассматривали сначала, а именно на вопрос, что такое справедливость, я бросил это и кинулся исследовать, будет ли она недостатком или невежеством... Так-то и вышло, что я ничего не вынес из этой беседы...» [4, с. 129].

Отличаясь от той формы отрицания, которая, критикуя определенную нравственную позицию, предлагает качественно иную взамен, ирония Сократа, как она видится С. Киркегору, отрицает любой позитивный принцип, не признавая вообще ничего в качестве альтернативы: «Ирония ничего не делает, кроме как отрицает; она бесконечна, ибо отрицает не то или иное явление, а действительность в целом, она является абсолютной, ибо то, в силу чего она отрицает, является более высоким, которое, однако, не существует. Ирония ничего не устанавливает. Она является божественным безумием, которое бушует подобно Тамерлану и не оставляет камня на камне...» [5, с. 188].

Субъективность, полагает С. Киркегор, замыкается на самой себе, переставая находиться во взаимосвязи с внешним миром: внешнее существование личности прекращает всяческие отношения с внутренним миром, который постоянно обращается к самому себе. Так возникает бесконечная рефлексия, которая, подвергая все переосмыслению, не способна что-либо выбрать.

Однако данный тотальный негативизм сократовской иронии обманчив, поскольку последняя, выступая сложным методологическим приемом, соединяющим в себе пересечения онтологического, гносеологического, этического и эстетического уровней, всегда реализует себя контекстуально, что непременно следует учитывать.

Сократ не постулирует субъективность прямо (в этом его взгляды как раз существенно и отличаются от мировоззрения софистов), но косвенно он, собственно, как раз и подразумевает субъективность, поскольку утверждение «познай самого себя» означало для него «отдели себя от всех других». Мыслитель не берет на себя дерзость прямого провозглашения субъективности, но делает это исподволь, неявно – как раз посредством иронии.

Литература:

1. Лосев, А.Ф. История античной эстетики / А.Ф. Лосев. – М.: АСТ, 2000.
2. Кессиди, Ф.Х. Сократ / Ф.Х. Кессиди. – М.: Мысль, 1976.
3. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975.
4. Платон. Сочинения: в 3-х т. – Т.3. – Ч.1. – М.: Мысль, 1971.
5. Киркегор, С. О понятии иронии [фрагменты] / С. Киркегор // ЛОГОС. Философско-литературный журнал. – № 4. – М., 1993.

«ТРИЛЕММА МЮНХАУЗЕНА» И ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА ОБОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МАТЕМАТИКИ

Н.В. Михайлова, г. Минск, Беларусь

Традиционный распорядок дня знаменитого барона Мюнхаузена начинался с 6 часов утра – это был подъем, но наиболее интересен для его окружения был временной промежуток с 8 часов до 10 часов, который посвящался подвигу. Философы, годами изучающие актуальные проблемы философии современной математики, подвига, конечно, не совершают, но что-то самоотверженное в такой работе, безусловно, есть.

Философская проблема обоснования математики находится в тесной связи с нахождением «предельных основоположений знания», трудности выявления которых порождаются природой обоснования как процедуры поиска «обосновывающего основания», которого в силу многообразия математического знания и теоретической переусложненности современных математических теорий достичь невозможно. Один из возможных путей состоит в обрыве обоснования на каком-то его витке, что вызывает новые философские трудности в конечном поиске обосновывающего основания. В философии науки выделяются две такие возможности. Согласно первой возможности, обрыв обоснования математических теорий философски аргументируется через «самозамыкание обоснования», основанное на